

Список использованных источников

- 1 Илюхина, Н. А. О типологии лексической метонимии в свете когнитивного принципа / Н. А. Илюхина // Вестник Самарского государственного университета. – 2015. – № 7. – С. 36–48.
- 2 Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.
- 3 Тихонов, А. Н. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / Под ред. проф. А. Н. Тихонова / Сост. А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова. Справочное издание: в 2 т. Т. 1. – М. : Флинта: Наука, 2004. – 832 с.

УДК 811.161.1'373:398.92:394

В. И. Коваль

ФРАЗЕОЛОГИЗМ ЗАБРОСИТЬ ЧЕПЕЦ ЧЕРЕЗ МЕЛЬНИЦУ: К ИСТОКАМ ОБРАЗНОСТИ

Рассматривается внутренняя форма эвфемистического фразеологизма забросить чепец через мельницу 'пренебречь общественным мнением во имя личных увлечений' с учетом этнокультурного содержания именных компонентов – чепец и мельница. Для анализа привлекаются материалы литературно-художественных и фольклорных тестов, используются интернет-источники.

Устойчивое словосочетание *забросить чепец через мельницу* 'полностью забыть светские приличия, не обращать внимания на молву, пренебречь общественным мнением во имя личных увлечений' в историко-этимологическом словаре «Русская фразеология» [1, с. 749] сопровождается пометой «устар.» прежде всего потому, что в целом этот оборот является малоупотребительным, относящимся к «салонному» дворянско-аристократическому жаргону; к тому же смыслообразующие компоненты фразеологизма – *чепец* и *мельница* – осмысляются современными носителями русского языка как названия весьма архаичных реалий. Кроме того, на «несовременность» этого эвфемистического по своей сути оборота повлияло и то обстоятельство, что он используется для характеристики деликатной ситуации, которая в настоящее время в меньшей мере, чем прежде, осуждается общественной моралью: речь идет о поведении женщины, «пустившейся во все тяжкие», открыто бросающей вызов устоявшимся, консервативным гендерным стереотипам.

Наиболее известным примером употребления этого фразеологизма в художественном тексте является его использование в одном из эпизодов романа Л. Толстого «Анна Каренина». Главная героиня романа в ситуации «салонного» общения, обсуждая со своей подругой княгиней Бетси Тверской характеры и поступки других людей, задает ей вопрос, касающийся поведения их общей знакомой – Лизы Меркаловой, которая не скрывает от посторонних своих любовных отношений: *Скажите, пожалуйста, что такое ее отношение к князю Калужскому, так называемому Мишке? Я мало встречала их. Что это такое?* Искушенная в амурных делах подруга Анны отвечает своей собеседнице в аллегорической, но вполне понятной обеим форме: *Бетси улыбнулась глазами и внимательно поглядела на Анну. «Новая манера, – сказала она. – Они все избрали эту манеру. Они забросили чепцы за мельницы. Но есть манера и манера, как их забросить».* Очевидно, что в данном случае не только констатируется предосудительное поведение конкретной женщины (точнее – женщин определенного типа), но и в принципе осуждаются способы, «манеры» такого поведения.

В одной из глав романа В. Пикуля «Фаворит», называющейся «Чепец за мельницу», рассматриваемый фразеологизм также употребляется как иллюстрация предосудительного поведения женщины – императрицы Екатерины: *Потемкин сказал, что после измены*

Римского-Корсакова императрица «забросила чепец за мельницу». По-русски это немецкое выражение переводится проще: «Удержу на нее, окаянную, совсем не стало...». На замечание одного из своих фаворитов о том, что она попросту больна, поскольку открыто и не смущаясь меняет своих любовников-«куртизанов», Екатерина искренне отвечает: «Я не больна. Я просто стареющая женщина, которая безумно хочет любить».

В названном выше авторитетном источнике [1] указывается, что выражение *забросить чепец через мельницу* «является калькой с фр. *jeter son bonnet par dessus les moulins* (букв. *бросить свой чепец через мельницу*), имевшего аналогичное значение ‘не обращать внимания на молву, на общественное мнение, поступать по велению своего чувства, пренебрегать светскими приличиями и условностями’. Фразеологизм бытовал в дворянско-аристократической среде» [1, с. 749].

Между тем внутренняя форма этой фраземы заслуживает более детального комментария в связи с тем, что ее именные компоненты связаны со сложными (и, что особенно важно, противопоставленными) этнокультурными представлениями. Так, А. Г. Назарян в своей книге «Почему так говорят по-французски», посвященной происхождению французских фразеологизмов, ссылаясь (хотя и с оговоркой «эта версия представляется мало правдоподобной») на высказанное французским исследователем Ш. Робером мнение о мельницах как о негативно осмысливаемых сооружениях: «Здесь речь идет о тех старых мельницах, которые еще в XVII в. служили увеселительными заведениями, где можно было встретить женщин лёгкого поведения. Этим исследователь объясняет тот факт, что выражение чаще всего употребляется для характеристики девушек и женщин легкого поведения» [8, с. 45].

Особенно важны сведения, содержащиеся в одном из французских фразеологических словарей – «*Dictionnaire d'expressions et locutions*», согласно которому выражение *jeter son bonnet par dessus les moulins* ‘отбросить скромность, действовать свободно, не беспокоясь об общественном мнении’ раньше использовалось в значении ‘остановить рассказ, признав, что ничего больше не известно’. Кроме того, здесь же отмечается: «В своем современном значении выражение *jeter son bonnet par-dessus les moulins* близко к выражению *jeter le froc aux orties* (букв. *бросить монашескую рясу в крапиву*) ‘расстричься, уйти из монастыря; отказаться от духовного сана’» [12, с. 95].

В данном случае нельзя не обратить внимания на то, что во фразеологизме *jeter le froc aux orties* (*бросить монашескую рясу в крапиву*) монашеская ряса, символизирующая принадлежность к церковно-религиозной сфере (т. е. к возвышенному, духовному началу), противопоставляется крапиве как воплощению сниженного, земного начала. Показательно, что в восточнославянской этнокультурной традиции крапива наделяется символикой греховного поведения. Сравн.: рус. диал. *скакать в крапиву* ‘о нравственном падении девушки’, *найти в крапиве* ‘родить вне брака’, *крапивник* ‘внебрачный ребенок’; бел. у *кравіве жаніцца*, у *кравіве шлюб браць* ‘о внебрачных отношениях’. Крапивный веночек к тому же известен на Полесье как унизительный, но обязательный атрибут девушки, родившей вне брака [5, с. 50].

Обратим внимание на то, что в цитированном французском источнике подчеркивается, что «*le bonnet* (шапка, чепчик) символически представляется как хорошее поведение» [12, с. 95]. Чепец (чепчик) получил статус модного атрибута одежды женщин – как крестьянок, так и горожанок – в Европе с XVII века. В России мода на ношение чепчиков получила распространение несколько позже – в XVIII веке: «В эпоху Екатерины Великой чепец уже захватил ведущие позиции как одна из самых модных и изящных деталей дамского гардероба, став обязательным элементом утреннего костюма, а дамы в возрасте щеголяли в нем и на балах. Чепец стал символом замужества: «У нее голова в чепце», – говорили о девушках, чье скорое замужество не вызывало сомнений» [3]. Женщины высших сословий носили чепец и дома, принимая гостей, и в гостях, и на улице. «Показываться посторонним людям без головного убора замужней женщине считалось неприличным. Чепцы носили иногда и молодые девушки, но для замужних дворянок он был совершенно обязателен» [4].

В текстах художественной литературы XIX века встречается немало примеров, иллюстрирующих обязательное использование женщинами чепца при общении с незнакомым или малознакомым мужчиной: *«Здравствуйте, батюшка. Каково почивали?» – сказала хозяйка, приподнимаясь с места. Она была одета лучше, нежели вчера: в темном платье и уже не в спальном чепце* (Н. В. Гоголь. Мертвые души); *Она не ожидала гостей, и, когда Обломов пожелал ее видеть, она на домашнее будничное платье накинула воскресную свою шаль, а голову прикрыла чепцом* (И. А. Гончаров. Обломов). Ношение чепца служанкой рассматривалось как знак особой милости господ, а запрет на его ношение – как знак «опалы». Выразительный пример такой ситуации находим в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо»: экономку Агафью, впавшую в немилость, перевели в швеи и «велели ей вместо чепца носить на голове платок <...> Барыня давно ей простила, и опалу сложила с нее, и с своей головы чепец подарила; но она сама не захотела снять свой платок».

Что касается мельницы, то это сооружение, выполняющее важную и нужную хозяйственную функцию – перемалывание зерен в муку, в сфере народной духовной культуры славян (и шире – европейцев) осмыслялось однозначно негативно. «Демонизация» мельницы объясняется ее противоречивой природой: «Сочетание в мельнице природного и культурного начал, производимое ею превращение одного вещества в другое, использование силы стихий (воды, ветра), а также постоянный шум – все это определяет отношение к мельнице как к «нечистому» месту и строению». Весьма распространено представление о том, что «мельник обязательно должен знаться с нечистой силой». Мельница к тому же осмыслялась как место обитания различных нечистиков: водяного, черта, русалки [10, с. 222]. На формирование негативной символики мельницы оказало несомненное влияние и место ее нахождения: «В деревнях мельницы обычно ставились за околицей, в безлюдной местности, что, согласно распространенному мнению, создавало идеальные условия не только для махинаций с мукой, но и для сношений с нечистой силой» [11].

Образы мельницы (нечистого места) и мельника (колдуна, знающего с нечистой силой) представлены во многих литературно-художественных и фольклорных текстах. Сравн. название музыкальной комедии русского драматурга-сатирика XVIII века А.О. Аблесимова – «Мельник – колдун, обманщик и сват». В повести А. К. Толстого «Князь Серебряный» слуга князя Серебряного – Михеич – следующим образом объясняет опасность их нахождения ночью на мельнице: *«Да что, батюшка, лучше отмыкать рогатки, чем спать в чертовой мельнице. И угораздило же их, окаянных, привести именно в мельницу! Да еще на Ивана Купала. Тьфу ты пропасть!»* – *«Да что тебе здесь худо, что ли?»* – *«Нет, батюшка, не худо; и лежат покойно, и щи были добрые, и лошадам овес засыпан; да только то худо, что хозяин, вишь, мельник!»* – *«Что ж с того, что он мельник?»* – *«Как что, что мельник? – сказал с жаром Михеич. – Да разве ты не знаешь, князь, что нет мельника, которому бы нечистый не приходился сродни? Али ты думаешь, он сумеет без нечистого плотину насыпать? Да черта с два!»*.

Вообще словосочетание *чертова мельница* можно считать едва ли не устойчивым оборотом, используемым для обозначения этого сооружения в том случае, когда в нем происходят мистические или страшные события. Так, в фантастическом рассказе А. Беляева «Чертова мельница» речь идет об изобретении профессора Вагнера, который создал особый механизм – человеческую руку, вращающую мельничные жернова. Украинская (гуцульская) сказка с аналогичным названием повествует о злой мачехе, которая ставит перед падчерицей невыполнимую задачу: *Набери в мешки золы и сези на ту мельницу, где двенадцать чертей мелют, а оттуда привезешь двенадцать мешков белой муки*. В чешской сказке «Чертова мельница» рассказывается о мельнике, который договорился с чертом о продаже ему мельницы сроком на триста лет. В основе сказочной повести немецкого писателя О. Пройслера «Крабат, или Легенды старой мельницы» лежат фольклорные сюжеты лужичан, связанные с негативными представлениями о мельнице в селении Козельбурх: «Об этой мельнице в округе говорят, что там нечисто. Шесть её жерновов мелют день за днем ячмень, овес

и пшеницу, но местные крестьяне обходят её стороной. Единственный посетитель мельницы – таинственный Незнакомец в чёрном. Каждое полнолуние он прибывает на мельницу на тяжелой повозке, чтобы молоть нечто на седьмом, «мертвом» жернове» [6].

Народам Северного Кавказа известно использование мельниц для встреч молодежи, имеющих целью установление между парнями и девушками более близких, доверительных отношений: «Ежедневно собираются на водяных мельницах по нескольку девиц, для смолки хлеба; их преследуют ватагою молодые парни-женихи. Придя к месту, мужчины, найдя дверь запертою, спрашивают девиц, сколько их собралось на мельнице? Девицы отвечают положительною цифрою, и если число мужчин превышает число женщин, то лишние, по жребию, отправляются к другим мельницам, а остальные бросают через окошечко во внутрь мельницы свои папахи, подбираемые девицами наудачу. После этого дверь отпирается, мужчины входят и справляются: в чьих руках их головные уборы» [9].

Отдельного упоминания заслуживает номинация *Мулен Руж* (Красная Мельница) – название кабаре в Париже, с которым связаны представления, имеющие прямое отношение к пониманию внутренней формы фразеологизма *забросить чепец через мельницу*, поскольку это кабаре устойчиво ассоциируется с «вольным», раскрепощенным женским поведением: «Мулен Руж открыло свои двери в 1889 году в квартале красных фонарей рядом с площадью Пигаль. Кабаре было посвящено открытию Всемирной Выставки в Париже. Люди шли сюда, чтобы насладиться знаменитым кан-каном. В 1893 году случилась сенсация – одна танцовщица разделась прямо на сцене. Именно это и был первый в мире стриптиз. Теперь этот символ Парижа вмещает в себя 850 посетителей, танцовщицы имеют в своем арсенале около 100 костюмов и неизменно демонстрируют лучший кан-кан в мире на фоне роскошных декораций [7].

С учетом приведенных ранее сведений о мельницах как увеселительных заведениях, «где можно было встретить женщин лёгкого поведения», становится вполне понятной «внутренняя логика» воображаемого бросания женщинами через мельницу (за мельницу) чепчика, который символизирует общепринятое, «правильное» женское поведение: бросание чепчика за мельницу можно интерпретировать как открытое отречение женщин от принятых в обществе представлений о пристойном поведении. Кроме того, это действие вполне укладывается в парадигму магического бросания (выбрасывания) различных предметов, понимаемого как «интенсивное перемещение предмета за границы «своего» (освоенного человеком) пространства и как способ избавления от чего-либо» [2, с. 264].

При этом особый иронично-насмешливый колорит приобретают известные строки из комедии А. С. Грибоедова «Горя от ума»: *Когда из гвардии, иные со двора / Сюда на время приезжали, / Кричали женщины «ура!» / И в воздух чепчики бросали*. «В первом приближении» подбрасывание женщинами чепчиков с криками «ура!» можно понять только как демонстрацию дамами бурного восторга. В действительности же в этих строках скрыт глубокий подтекст. Главный герой комедии – Чацкий – в данном случае высмеивает нравы московских женщин-дворянок, демонстративно, без оглядки на реакцию окружающих бросавших в воздух (буквально или аллегорично) свои чепчики и выражавших тем самым готовность к легкомысленным отношениям с приезжавшими в Москву мужчинами – гвардейцами (рослыми, статными кавалерами) или мужчинами-придворными – богатыми, влиятельными людьми.

Список использованных источников

1 Бирих, А. К. Русская фразеология : историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б. А. Ларина; А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова ; под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.

2 Виноградова, Л. Н. Бросать / Л. Н. Виноградова Славянские древности : этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 1995. – Т. 1. – С. 264–266.

- 3 Головные уборы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://wordweb.ru/en_ru_byt/11_23.htm. – Дата доступа : 20.09.2016.
- 4 Дамские штучки: чепец, повойник, шлычка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.liveinternet.ru/users/3344739/post400728125/> – Дата доступа : 12.10.2016.
- 5 Коваль, В. И. Фразеология народной духовной культуры: состав, семантика, происхождение : монография / В. И. Коваль. – Минск : РИВШ, 2011. – 196 с.
- 6 Крабат, или Легенды старой мельницы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/> – Дата доступа : 03.10.2016.
- 7 Мулен Руж, или Красная Мельница [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://euronetoday.ru/2011/12/mulen-ruzh-ili-krasnaya-melnica/> – Дата доступа : 12.10.2016.
- 8 Назарян, А. Г. Почему так говорят по-французски / А. Г. Назарян. – М. : Наука, 1968. – 348 с.
- 9 Пржецлавский, П. Дагестан, его нравы и обычаи / П. Пржецлавский // Вестник Европы. – 1867. – № 3. – Т. III. – С. 155 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://a-u-l.narod.ru/Przeclavskiy-P_Dagestan_ego_nravu_i_obychai.html – Дата доступа : 12.10.2016.
- 10 Седакова, И. А. Мельница / И. А. Седакова // Славянские древности : этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 2004. – Т. 3. – С. 222–224.
- 11 Соколов, М. Н. Христос у подножия мельницы-Фортуны. К интерпретации одного пейзажно-жанрового мотива Питера Брейгеля Старшего / М. Н. Соколов // Искусство Западной Европы и Византии. – М., 1978. – С. 132–156 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://es-dejavu.ru/m/Melnitsa.html>
- 12 Rey, A. Dictionnaire d'expressions et locutions / A. Rey, S. Chantreau. – Paris : Le Robert, 2007. – 1086 p.

УДК 81:001.4

С. Ф. Кошевец

«ДЕМИЛИТАРИЗАЦИЯ» ВОЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ФОРМИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ

Исследование фразеологических выражений военной тематики выявило изменение их семантики, а также новое звучание в условиях переносного употребления. Основные способы образования подобных идиом – детерминологизация и переосмысление свободного словосочетания.

Фразеологические обороты русского языка своими корнями уходят в разные пласты человеческой деятельности. Военная тема вошла в жизнь общества еще на начальном этапе его формирования и является актуальной до сих пор. В XX веке война коснулась судеб всех жителей планеты. Военные конфликты, демонстрация военной мощи продолжают по сей день, и вполне закономерно военная тема не могла обойти речь народа.

Происхождение и функционирование военной лексики обусловлено военно-историческими событиями, военно-политическими отношениями, развитием военного дела, представлениями народа о справедливости, праве, насилии и т. д. На этой базе происходит формирование особой разновидности языка, которая классифицируется как «военный подъязык». Подъязык мы понимаем как один из вариантов реализации общенародного языка, используемый ограниченной группой его носителей в условиях как официального, так и неофициального общения. Военный подъязык включает в свою систему термины, профессионализмы и профессиональные жаргонизмы. Анализ словарного состава современного русского языка показывает, что военная лексика представляет собой сочетание нескольких подсистем: терминологической и общеупотребительной, современной и исторической.